МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

НЕИЗВЕСТНАЯ РАННЯЯ ПОЭМА И.Л. СЕЛЬВИНСКОГО – КОРОНА КОРОН СОНЕТОВ “УБЛЮДОК”

© 2010 г. А. С. Красникова

Илья Сельвинский еще в молодости ввел особую форму “короны сонетов” – венка сонетов, эпического по содержанию и допускающего изменения формы внутри сонета. В литературе имеются свидетельства о том, что им была задумана более сложная иерархическая поэма, имеющая форму “короны корон сонетов”. Статья представляет первое описание этой поэмы по рукописным материалам домашнего архива поэта. Анализируются сохранившиеся планы произведения, исследуется написанная часть поэмы, показаны ее отличия от первоначальной схемы, отмечаются некоторые особенности поэтики короны корон и её связи с последующим творчеством Сельвинского.

In the 1920s Ilya Selvinsky coined the term *corona sonetov* – a crown of sonnets – which he meant to be a garland of epic sonnets allowing incidental deviation from the standard sonnet form. There is evidence that as a young man he conceived a more complex poem – an epic crown of crowns of sonnets. The paper presents the first description of the poem based on manuscripts from Selvinsky’s private archive. The author analyzes surviving plans and texts of parts of the poem showing differences between the initial scheme and those sonnets that were finally written. Several sonnets are cited in full. Essential characteristics of the poem and its relation to Selvinsky’s later work are specified.

Существовала ли корона корон Сельвинского?

В книге “Русский стих начала XX века в комментариях”, в разделе “Венок деформированных сонетов”, М.Л. Гаспаров, приведя венок сонетов “Бар-Кохба” (1920) Ильи Сельвинского, поясняет: «Обычно венок сонетов бывает малосодержателен: первые 14 сонетов лишь многословно распространяют то, что концентрированно содержалось в магистрале. Борясь с этим недостатком, молодой И. Сельвинский стал делать свои венки не лирическими, а эпическими по содержанию; а борясь с однообразием сонетной формы, стал широко пользоваться сонетами нетрадиционной формы, в предлагаемом венке ни один сонет не повторяет другого по рифмовке, все они по-разному разбиты на четверо-, трех- и двустипшия. <...> Построенные так эпические венки, в отличие от традиционных лирических, Сельвинский называл “коронами сонетов”, но общеупотребительным термином это не стало» [1, с. 234–235].

Процитированная характеристика “короны сонетов” не только обобщает поэтическую практику Сельвинского, но и развивает теоретические положения, высказанные самим поэтом. Введенный им еще в юности термин “корона сонетов”, он отстаивал и в зрелые годы. В 1962 г. вышла книга “Студия стиха”, в которой Сельвинский делился с читателями своим поэтическим опытом. В разделе, посвященном сонету, он объяснял разницу

между венком и короной сонетов: венок – “форма, как я уже говорил, лирическая. Но в наши дни ей придан был и эпический характер. Появился сюжет, характеры, лирические отступления, описания природы и так далее, а все это потребовало новаторства и в самой структуре сонета, – коротко говоря, сонет был уже в полном смысле слова низведен до значения строфы. Такой венок носит название короны сонетов и разрешает себе самые широкие вольности, не выходя, однако, за пределы архитектурного каркаса венка” [2, с. 132].

В этом разделе “Студии стиха” любопытны не только рассуждения Сельвинского об “эпическом венке сонетов”. Поэт рассказывает читателям и о том, как хотел когда-то написать корону корон: «В 1919 году я задумал создать корону корон сонетов – “Георгий Гай”; где магистралью была бы целая корона. Такая поэма должна была бы иметь 3164 строки и обладать женскими рифмами для катренов в количестве 196, мужскими – 196, женскими для терцин – 154, мужскими для терцин – 154. Я написал было несколько первых сонетов, но вовремя одумался. Это было для меня счастьем: к концу работы я, несомненно, сошел бы с ума» [2, с. 132].

Насколько нам известно, приведенный отрывок из “Студии стиха” долгое время был единственным зафиксированным в печати упоминанием о попытке Сельвинского написать корону корон сонетов. Судя по цитате, поэмы никогда не суще-

ствовало: был лишь чересчур смелый замысел, который Сельвинский толком и не пытался реализовать, “вовремя одумавшись”.

Спустя 20 лет после первого издания “Студии стиха” было опубликовано еще одно свидетельство о “Георгии Гае”. В 1982 г. вышел сборник воспоминаний о Сельвинском. В книгу были включены отрывки нескольких вариантов незавершенной статьи Корнелия Зелинского, над которой автор работал в 1946 г.; разные версии статьи назывались: “За горизонт зовущий”, “Гаргантюа русской поэзии”, “Заметки о творчестве Сельвинского” [3]. То, что рассказывает Зелинский о юношеской поэме Сельвинского, заметно отличается от сведений из “Студии стиха”:

«...Сельвинский вступил в поэзию с ощущением великого “разрушителя препятствий”. Брюсов, Волошин, Вячеслав Иванов – все отдали дань словесному атлетизму, написав по одному венку сонетов. Сельвинский написал их девять, увеличив при том их задачные трудности. Но он не ограничился и этим. Он приступил к созданию “нимба сонетов”, то есть короны корон сонетов, небывалого по сложности словесного сооружения, своего рода Дворца Советов в стихе. Форма его должна была иметь: а) архимагистральный сонет, б) магистральную корону, составленную из магистральных сонетов каждой из корон, входящих в нимб, и в) 14 корон сонетов по числу магистральных сонетов. Ведущим размером был избран четырехстопный ямб. Это должен был быть роман в стихах, перекликающийся с мотивами Оконного (с той разницей, что герой из “маленького” становится “великим”)¹. Он назывался “Георгий Гай”, потом был переименован в “Ублюдок”. Написана уже была первая глава из четырех корон сонетов и начата вторая глава. Но вскоре Сельвинский из Евпатории переехал в Москву, и перед “разрушителем препятствий” раскрылась более широкая арена. Роман был заброшен» [3, с. 21].

По словам Корнелия Зелинского, было написано не “несколько первых сонетов” короны корон – которая была переименована в “Ублюдка” – а более четырех корон, то есть примерно треть произведения. Однако о том, сохранилась ли корона корон, была утеряна или уничтожена, Зелинский ничего не говорит. Стоит также обратить внимание на то, что Зелинский использует

¹ Оконный – один из главных персонажей трагедии И. Сельвинского “Командарм” (1928). Штабной писарь, он подделывает документы, чтобы отстранить от должности командующего армией Чуба и занять его место. В конце концов Оконного и других участников его авантюры отдают под трибунал.

еще одно обозначение короны корон, заключая его в кавычки, – “нимб сонетов”. Можно предположить, что этот термин также принадлежал Сельвинскому – однако в “Студии стиха” слово “нимб” ни разу не употребляется.

Весной 2004 г. Цецилия Александровна Воскресенская, падчерица Сельвинского, показала С.И. Гиндину и автору этой статьи рукопись незаконченной поэмы своего отчима. Она хранила ее в домашнем архиве, а в начале 2000-х годов стала подумывать о публикации. Поэма называется “Ублюдок (Георгий Гай)” и полностью соответствует описанию Корнелия Зелинского. Не остается сомнений, что Цецилия Александровна показала нам ту самую корону корон Сельвинского, одно из “достоверных” и не тронутых позднейшей правкой ранних произведений поэта². (Некоторые стихотворения сборника “Ранний Сельвинский” считаются мистификацией, а большинство своих юношеских произведений Сельвинский переписывал, как, например, поэму “Юность” или корону сонетов “Рысь”.)

Рукопись представляет собой 3 пронумерованных тетради. На обложке первой значится: “Схема. 1) Ублюдок (Георгий Гай); 2) Записки Гая” (вполне возможно, задумывалась диалогия), – на обложках двух остальных: «“Ублюдок”. Тетрадь I» и «“Ублюдок”. Тетрадь II». В первой тетради содержится план, наброски, в остальных двух – уже сама корона корон: 47,5 сонетов во второй тетради, 17,5 – в третьей (половина 48-го сонета записана во второй тетради, половина – в третьей).

В первой тетради Сельвинский делает и подсчеты: “Нимб = 182 + 14 = 196 сонетов = 2744 стиха 4-стопного ямба”. Как мы и предполагали, молодой Сельвинский использовал термин “нимб” как синоним “короны корон”. Из задуманных 196 сонетов написано 65, то есть 5 корон, – треть нимба. В плане корона корон делится на две части: к Части 1 относятся 6 корон, к Части 2 – 9, включая магистральную корону. В тексте, записанном во второй и третьей тетрадях, вместо намеченного деления на части возникает деление на главы: первые четыре короны образуют Главу I, пятая корона начинает Главу II.

В начале первой тетради стоит дата 13. XI. 920 (Сельвинскому в то время 21 год); последняя датировка, которая встречается в рукописи, – 30/IV 921, тогда была закончена первая глава. Первая тетрадь начинается описанием строфики: «Форма – “нимб сонетов”»: корона корон, где 14 корон

² Предварительное сообщение о находке см. [4].

сонетов, а 15я является магистральной короной, составленной из начальных строк каждого сонета. Магистраль 15-й (магистральной короны) составлен/а/ из первых строк магистралей каждой короны. Механическое “здание” нимба органически подвергается изменениям: 1) ни одна “корона” в конце не замыкается магистралью – все магистралы единственный раз появляются в 15й короне; 2) короны сонетов состоят не из 14, а из 13 сонетов, т.к. 14я неизбежно, по структуре “венка” приводит к магистрале (§1); 3) отменяется общая строка, служащая концом одного и началом нового сонета; для связи остается только общая рифма, которая может изменяться в падеже и быть оммоним/ом/»³.

О размере будущей короны корон Сельвинский пишет так: “Размер 4-стопный ямб, но ритм разломанный в суставах: удары не в ударах размера, а случайные. Хаос в железном метре”. Здесь стоит снова обратиться к свидетельству Зелинского, который приводит слова Сельвинского: «В молодые свои годы я признавал единственно благородным размером для поэта – ямб. Какие бы фокусы я ни творил в мелких вещах, более крупные вещи писались мною либо ямбом, либо гекзаметром, либо даже былинной – “Бегство в Таврию” и др.» [3, с. 20].

Основные темы “Ублюдка” – юношеские попытки самоопределения, первая любовь и поиски любви вообще. Эти темы созвучны тому, что Сельвинский рассказывал Зелинскому о своей юношеской поэзии: “Единственной идеей, овладевшей тогда моим воображением, была философия на тему: герой и судьба. Жизнь научила меня быть фаталистом. И для этих-то настроений находкой явилась форма короны сонетов с ее непреложными концовками и анафорами, с ее железной 210-строчной решеткой. Я ощущал все это как воплощение закона судьбы. <...> Идея судьбы у меня постепенно трансформировалась в идею обусловленности материальным бытием всей жизни человеческой” [3, с. 20].

Первая тетрадь: план короны корон

“Схема” короны корон записана в первой тетради. И хотя текст поэмы порой отступает от нее, в целом сюжетная линия остается той же. К тому же о событиях ненаписанных двух третей произведения мы можем судить только по плану. По-

³ Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация оригинала.

этому рассмотрим его подробно, а затем покажем, как изменился замысел в ходе написания поэмы.

Действие разворачивается в послереволюционном Крыму: “Революция прошла мимо нас и оставила самое худшее: глухие бухи барабана полкового оркестра, неслышного здесь”. В первой короне описывается осенняя Евпатория и то, как в 7 классе гимназии появляется новичок Георгий Гай.

Вторая корона посвящена происхождению Гая и его семье: “Краткая биография Гая. (Гайне. Дед – вербовщик, кантонист при Николае I, выкрест. Отец барышник). Пинкертон. Сестры – одна шансонетка в Варшаве, другая в Тверском монастыре. Отец то задаривал сладостями и глядел сквозь пальцы на грехи, то бил смертным боем за малейшую провинность и по неделям не замечал. Мать ласковая”.

В третьей короне рассказывается о гимназических буднях в послереволюционном Крыму. С одной стороны – однообразие, зубрежка; с другой – отражение потрясений, которые переживала страна в те годы: “Каждый день одно и то же: (алфавит). Бестолковые собрания, кривлянья и ораторские бравады гимназистов, подражающих кто Керенскому, кто Милюкову, кто Церетелли. Скука. (Затаивал дыхание до отказа и падал в обморок. А потом весь день легкая щемь сердца, как в любви, и мутное приятное головокружение!!)”. Гай встречает девушку Лизу, в которую страстно влюбляется: “Весна (4 ямб: на два двухстопных). Лиза Балашова. Манто: красное в коричневую клетку с воротн/иком/ (à 1a) Maria Stuarте. Любовная одурь. Танцы. Фетишизм: припал к манто и вдыхал запах ея крепких духов *chïpre*. Папиросы с каплею одеколона. (Сигарки) *capstin* с каплей чая!”.

Гай ухаживает за Лизой, преследует ее – уже в схеме Сельвинский долго и подробно описывает любовные муки и метания Гая – а та не особо приветствует его, но и не отвергает. Из плана четвертой короны: «Она его не любила – неряшливый офицер, оратор отбивал ее у Гая. Гай: “Вы любите ли лунные лагуны?”, а думал – “Ты любишь меня”, <...> Исписывал тетради Элиза, Луиза. На манто сзади мелом чертил крестики и, утром их находя, пьянел от непонятого восторга. Бегал в кино, где так сладко мечтать. Если б средние века – я б нахлобучил колокольный шлем, схватил язык его как булаву; взбирался на колокольню к звонарю и звонил... гуд... А то по вечерам в соборе падал на колени перед иконой в углу и молился: Лиза, Лиза. А старушки-богомолки шептали: Бедняжка, знать, матушка преставилась... <...> Танц/евальные/ вечера. Он не умел. Держал ея горжетку и

ревновал (и зеленел от ревности). Она была, как яблонька. Ей не было до него дела». В четвертой короне у Гая должен появиться друг, его зовут Лунин. Об этом сказано более чем лаконично: «Лунин. Дружба».

В пятой короне Гай признается Лизе в любви: «Наконец, он ей сказал: Мне семнадцать лет. Я выжимаю 2 п/уда/. Я ничего больше не умею. И я Вас люблю. Она подумала: Я Вам отвечу умом. Он встал: Моя жизнь – она у Вас, но мое самолюбие – это единств/енное/, что мне принадлежит. Вышел на балкон и по-акробатск/и/ сделал перелет. Больно ударился... Закипел гневом. А-а... Где справедливость? Вернулся – /выпи-пикал/ ее имя на пороге и пошел к проститутке в 1 раз».

Проститутка не приносит Гаю утешения (шестая корона): «Проститутка. Плакаты кино, портрет Шаляпина. Стеснялся. Она положила его руку себе на груди. И он задрожал... Обхватил, и по борцовской привычке сплил пальцы. До сих пор он обнимал борцов и гимназистов – теперь проститутку; Лиза, Лиза, Лиза. [А утром солнце на черном лаке парты. Мысли: о семени. Быть может, мальчик, этаким мальчишка бутуз, пузырь с пахучей шейкой; быть может гений... Ушли с урока и спорили: живопись идет на убыль – Врубель... а на севере горел супрематизм... Он спорил, а шаг четко отбивал: Ли-за, Ли-за, Лиза]». На этом и заканчивается, согласно плану, первая часть «Ублюдка».

Во второй части плана описываются события, произошедшие через несколько лет после объяснения Гая. В седьмой короне Гай уже студент, он возвращается из голодного Киева в Крым, вокруг гражданская война, добравшись до Евпатории, он окунается в ночную жизнь: «Юристы – студенты 2 курса. Идут домой из голодного Киева. Киев – петлюровцы, Катерин/ослав/ – махновцы, Таврия – Деникин.

Евпатория. Кафе. (Скрябин, «Нива»). «Дюльбер»».

Его ближайший друг – актер Лунин («одет в стиле Victor Françain – котелок на затылке, длинный макинтош, замшевые лодочки»). Гай подталкивает Лунина к отношениям с некой 36-летней Мариной Львовной (восьмая корона).

В девятой короне Марина Львовна тяжело заболевает, Гай в нее влюбляется и заботится о ней, их отношения выходят за рамки платонических. «Лунин/. – «Она живет с ним». Возмущен... Недружеские поцелуи Гая. Гай: «Я не могу отдавать ей все время». Лунин: «Не могу ничем помочь».

Резнула. Шоколадные соски сквозь голубой батист».

Страсть Гая к Марине Львовне усиливается, он рассказывает о своем чувстве Лунину (десятая корона). Судя по всему, у Гая и Лунина существует творческий тандем, и игра Лунина зависит от режиссуры Гая: «Гай влюблен, но борется. Разговоры с Луниным. «Ей 36 – тебе лишь 20. Что будет дальше?» – «Не знаю, не спрашивай»... Разговор с М/ариной/. Лунин: – «Упадок в творчестве... Нет гения, уснул» (а это просто потому, что Гай не режиссировал). А ведь в любви бывает обратное. Он ей застегивал чулки, пена панталон. Запах кожи *сycloment royal*».

Страдания Гая усиливаются, болезнь Марины Львовны прогрессирует (одиннадцатая корона): «И вдруг ему показалось, что она его 1-я любовь и что это он ее любил, когда толкал к ней Лунина. <...> И он начал осторожно нащупывать почву. Он расхваливал Лунина, но на ее томительные вопросы отвечал с тонкой хитростью и вероломством. С Луниным: «Она больна. Москва и студия отдаляются...» Проф/ессор/ Сопежко – она уже не женщина».

Гай пытается разлучить Марину Львовну с Луниным, задумывает его утопить, но вместо этого сам получает нервный срыв (двенадцатая корона). «Так, так... Спокойно, спокойно, сс... шагом, не сбой... Принимаю... Всё в мире мудро, все нужно. Принимаю и это море, небо, и эту боль. И вдруг Лунин. Он сделал благородное лицо – я честный человек, живу по общественной этике. Он вспомнил все: его ехидный смешок, и плоский ум, технический дар, его «глупости», самоменье. Саркома!! Его лицо перекошилось. Нужно его убить! И он представил себе всё: они купались поздно. (Стояли холода.) Всё: как Лунин/ побежит в воду и нырнет, как Гай привычным жестом загнет ему двойной нельсон. И он представил себе, какое он сделает лицо, когда ему скажут о /смерти/ Лунина/. Он сидел под маяком, но Лунин/ не пришел. Гай подошел к «Дюльберу» ночью. Хлопнула дверь. Стуча каблуками, шелестя макинтошем, он зашагал. Гай за ним на лосевых сандалях. Бесшумно. Как рысь за оленем. На другой день – бури. Гай слег от нервного напряжения. Д/окто/р: перекупался».

Гай лежит в полубреду и думает о преступлении, которое он чуть было не совершил (тринадцатая корона): «Письмо (белый стих): «Полумертвая женщина, которая не проживет и года. Лунин трус, он боится перевернуть страницу. Психология преступления/: различье классов, экономической/ базы, алкоголизм. Нет, не всё. Суд! Вот

что! Нужно развязать Фемиде глаза. Сказка старой нянюшки о волке: я кушать схотел – мне Бог повелел. Ветер, ветер... ».

И, наконец, Гай возвращается мыслями к Лизе, своей первой любви. Он понимает, что любил всегда ее, и решает ее добиться (четырнадцатая корона): “Бред – Лиза, Лиза. . . Так вот что: он все время любил Лизу?! И в Мар/и/не он любил ту самую Лизу? Лиза, Лиза, Лиза... Его предки. Скиф и яр-вор... Это было еще неясно, но он заковывал в себе эту мысль. . . Его предки. Скиф ли варвар, или каган-пророк в кирасе очервл/енной/? Но я ее добуду!.. Осень. Красный сентябрь”.

Корона корон замкнулась, снова крымская осень, раздумья о предках, скоро Гай снова будет добиваться Лизы.

Пятнадцатая корона – магистральная.

Вторая и третья тетради: пять корон “Ублюдка”

Как уже упоминалось, порой текст “Ублюдка” отходит от плана. Структура и содержание текста, записанного во второй и третьей тетрадях рукописи, представлены в сопоставлении со “схемой” в нижеследующей Таблице.

Вместо двух корон, целиком посвященных отношениям Гая и Лизы (фамилия которой изменилась с Балашовой на Обояни), Сельвинский огра-

ничился одной, отказался от короны, в которой рассказывалось бы о встрече Гая с проституткой. Несмотря на это, поэма более индивидуалистична, чем задумывалась изначально, более сконцентрирована на любовной линии, в ней почти не ощутима социальная атмосфера эпохи. Гимназисты не подражают Керенскому и Милюкову, зато заглядываются на “уличных мамзелей” (сонет 29, глава 1, тетрадь 2). В пятой короне нет ни слова о бегстве студентов из голодного Киева, о гражданской войне. Описывается лишь евпаторийская ночная жизнь, кабак «Притон “Зеленых Чертеняток”»; за столиком тоскует поэт “с обликом мадонным” (сонет 11, глава 2, тетрадь 3). Описание поэта из последней написанной Сельвинским короны “Ублюдка”: “Женственный и тонкий, / Одетый, как Victor Françain” (сонет 13, глава 2, тетрадь 3) – и актера Лунина из плана в первой тетради: “одет в стиле Victor Françain – котелок на затылке, длинный макинтош, замшевые лодочки” – похожи. Можно предположить, что томный поэт и есть упомянутый в плане Лунин (о нем до этого в поэме не было сказано ни слова), а студент, уводящий поэта в неизвестность, – Георгий Гай.

Необходимо также отметить, что для понимания поэмы и ее основного названия – “Ублюдок” – важен текст второй короны. В схеме короны корон “биография Гая” представлена как обычное описание семьи главного героя, в тексте же она приобретает иной смысл. В первых сонетах второй короны гимназисты решают “проверить” новичка дракой, и Гай побеждает сразу троих однокласс-

Номер короны	План		Текст	
	Структура	Содержание	Структура	Содержание
1	Часть I	Евпаторийская осень. Гай – новичок в 7 классе гимназии	Глава I	Евпаторийская осень. Гай – новичок в 7 классе гимназии
2		Происхождение Гая, его семья		Происхождение Гая, его семья
3		Описание будней гимназистов. Гай влюбляется в Лизу Балашову		Описание будней гимназистов. Гай влюбляется в Лизу Обояни, страдает от любви, ухаживает за Лизой
4		Гай страдает от любви к Лизе, ухаживает за ней. Дружба с Луниным		Любовные муки Гая, отношения с Лизой. Гай признается Лизе в любви, та ему отказывает
5		Гай признается Лизе в любви, та ему отказывает	Глава II	Ночная Евпатория, кабак. За рюмкой абсента тоскует поэт, которого в конце концов уводит из кабака неизвестный студент

ников: “Так. Не в размахе, не в проломе, / Не в тонком знаньи анатомий / Запаян боевой секрет / Богатыря в 17 лет”. Секрет Гая заключается в его предках, в том, что он “ублюдок” – “помесь разных кровей”. В тексте поэмы семья Гая описана иначе, чем в плане. Дед Георгия был насильно крещенный еврей, отец “под пьянь” повенчался с персиянкой Хатызмой. “Из кровей лютого Кагана, / Пропойцы и иранки рдяной / Был слеплен боевой костяк”. Характер героя, а возможно, и его судьба predeterminedены его происхождением. Не случайно в плане (в 14 короне поэмы) Гай возвращается мыслями не только к своей первой любви, но и к своим предкам. (Вспомним признание Сельвинского о том, что в юности он был фаталистом, и его волновала лишь тема героя и судьбы.)

“Ублюдок” как “предтекст” творчества Сельвинского

В “Ублюдке” сконцентрированы многие свойства, которые станут определяющими в более поздних произведениях Сельвинского, как прозаических, так и поэтических. Создается впечатление, что “Ублюдок” – проекция, “предтекст” всего художественного творчества Сельвинского, в особенности конструктивистского периода. Некоторые черты тут гипертрофированы, некоторые, наоборот, в более поздних произведениях проявятся сильнее. Укажем на некоторые из них.

Форма “Ублюдка” – корона корон сонетов – отражает тягу автора к эпичности и масштабности, пристрастие к большим жанрам, экспериментам. При этом форма эпического венка венков сонетов явно не соответствует содержанию – рассказу о поисках первой любви, юношеских метаниях.

Содержание “Ублюдка” откровенно демонстрирует как индивидуализм, эгоцентричность, так и противоречивость, столь характерные для всего творчества Сельвинского.

Написана корона корон в тональности, которой присущи “необычайная сочность восприятия, насыщенное чувство самой плоти жизни” [5, с. 30]; она насыщена яркими образами с первого же сонета (тетрадь 2):

1.
Краснел сентябрь. Меж дорог
Ржавели бронзовые листья,
Багряннее и золотистой
Горя по балкам у излог.
Они звеня слетали вбок,
Опав в багровые сугробы.
В них рылся рыжеватый бобр,
Ужи переплелись в клубок.

А между сосен моря просинь
И далее сизый кругозор;
Но на заре рябила осень
Туманный матовый простор,
И мертвых водорослей плетью
По берегам тревожил ветер.

В “Ублюдке” отчетливо видны многие характерные черты идиостиля Сельвинского-конструктивиста: частое использование окказионализмов, лексики из самых разных пластов языка, необычная звукопись. Второй и третий сонеты первой главы (тетрадь 2):

2.
Порой жужжал в просучьях ветер,
Плыли шары вороньих гнезд;
На мелях птичьих лапок сети,
Камка и пух резных берез.
О, время виноградных клетей
И спасских яблок и отгроз,
И томных горестных соцветий
Поблекших грез... В степи покос
Отжат. И крымские кошницы,
Сползая слитками на спицы,
Рипят по пляху на восток.
Горбатый буйвол их повлек,
От пыли сизый, и жижится
В рашеп копыт навозный сок.

3.
У золотого лукоморья.
И древле бысть – понтийский царь,
Митрид-Евпатор, в бльвах моря,
Кобыл жеребых пеня ярь,
Сдёр комоня на косогоре —
И се на струж на рысьей скоре
Орда распялила под жар.
С тех пор ползли тысячелетья,
И кости тавров и авар
Спаялись кровию татар,
И сас звенел, кричал базар,
Молились мертвые мечети.

Среди других важных свойств, проявившихся в “Ублюдке”, можно назвать экзотичность и автобиографизм, присутствие тем юношества, зверя, подробных описаний природы. Все они представлены в описании Гая, появившегося в гимназии (10 и 11 сонеты, глава 1, тетрадь 2):

10.
На синем море свежей зелью
Косоворотки бичева
Цвела, линия, как трава.
Но как под нею плечи пели,
Как звонко выгнанною елью
Холмилась грудь, и голова
На этом изваянном теле
Горела башнею Румелий.
А в ней заруб короткий носа,
Багровых глаз тугой агат,

И нежный рот, который сжат;
И медный лик распахан оспой,
А наискось по лбу, как спай,
Летел рубец из края в край.

11.

Заката золотистый край
Тусклей, чем мех со лба до шеи,
Горящий шлемом Асмодея.
Он рыж, как рысь. Дремуч, как гай.
Но брови гибкие, как змеи,
И взмахи загнутых ресниц
Над вязким взглядом сытых львиц
Истомно сини. Кто он? Что он?
Подстрижен чубчиком, как пай,
Курнос и рыж, но нет, не клоун.
– “Как вас зовут?” – “Георгий Гай!”
(А голос глух, как волчий лай).
И все глядели и глядели,
А он сквозь стекла видел ели.

В “Ублюдке” появляются также образы и сюжетные линии, которые перейдут потом в другие произведения Сельвинского. “Дама в красном манто” на протяжении многих лет будет присутствовать в поэзии Сельвинского. Вот, например, строки из стихотворения “Жена” 1958 г.: “На ней манто атласное / (Весь заработок мой...) / На ней перчатки красные, / Пуховые с каймой” [6, с. 224].

Многие сюжетные линии перешли в поздний роман Сельвинского “О, юность моя!” (опубликован в 1966 г.), рассказывающий о взрослении гимназистов, а затем студентов, в послереволюционном Крыму, о первой любви, о гражданской войне. Главный герой романа Леська Бредихин – так же, как и Георгий Гай, – сначала встречает юную девочку, свою настоящую любовь, а потом, обреченный на разлуку с ней, влюбляется в женщину много старше его и ухаживает за ней, когда та тяжело заболевает.

Несомненная генетическая связь существует и с “Улялаевщиной”. Помимо некоторых образов, которые будут использованы в знаменитой эпо-

пее (“двуносы́й буль с профилем сифилитика”, “зеленые зарницы”, “махровые копыта” и пр.), их объединяет Георгий Гай – он является одним из центральных персонажей в “Улялаевщине”. В “Ублюдке” он только начинает взрослеть (“такой мальчишка бутуз”), а в “Улялаевщине” становится комиссаром Красной армии: “Он, всегубернский, лиллипутный Ленин, / В клокотаньи классов, рас, поколений, / Напрягая жилы, так что дергалась десна, / Не знал ни режима, ни сна” [6, с. 8]. Но даже повзрослев, возмужав, закалившись в войне, Гай так и не может забыть свою первую любовь (Тату, которая, кстати, тоже носила манто)...

Подробное исследование текстологии “Ублюдка”, его связи с другими произведениями еще предстоит выполнить. Но уже сейчас остается вне всяких сомнений, что корона корон сонетов, одно из самых ранних произведений Сельвинского, заслуживает глубокого изучения и публикации всего текста, а также вспомогательных материалов: плана и набросков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гаспаров М.Л.* Русский стих начала XX века в комментариях. М.: Фортун-Лимитед, 2001.
2. *Сельвинский И.Л.* Студия стиха. М.: Сов. писатель, 1962.
3. *Зелинский К.Л.* За горизонт зовущий // О Сельвинском: Воспоминания / Сост. Ц.А. Воскресенская, И.П. Сиротина. М.: Сов. писатель, 1982. С. 13–28.
4. *Красникова А.С.* “Ублюдок”: потаенная поэма И.Л. Сельвинского // Озерная текстология: труды IV летней школы на Карельском перешейке по текстологии и источниковедению русской литературы. СПб., 2007. С. 134–139.
5. *Зелинский К.Л.* Госплан литературы. М., 1925. С. 12–41.
6. *Сельвинский И.Л.* Из пепла, из поэм, из сновидений. М.: Время, 2004.